

ПОЧЕМУ ВЫ СОГЛАСИЛИСЬ ДАТЬ ЭТО ИНТЕРВЬЮ?

— Георгий Александрович, — наш собеседник народный артист СССР Г. Товстоногов, — насколько я знаю, вы не видели последних работ театра?

— Не видел, но обязательно хочу посмотреть во время наших летних гастролей. Особенно еще и потому, что присутствовал на одной из самых репетиций «Бориса», которая произошла на глазах большого впечатления.

— Тем, что все происходившее было нетрадиционно и в то же время выразило главное в Пушкинской трагедии. Любимов паразитически владеет пластической стороной театрального зрелища — в той массовой сцене, которую я видел, движение толпы, народные песни и поэтическое слово соединились в мощное целое. Оно по сей день у меня перед глазами.

— Вы, конечно, забыли урок, который, по вашему мнению, этот спектакль дал. Я не очень торопился на одну из премьер Таганки, и вы достаточно сердито заявили, что в спектакле этого театра есть нечто, запугивающее беззубого аниматора. Тогда же спросил, что значит это «нечто» — это вроде бы само собой подразумевалось, теперь же все-таки хочу уточнить.

— Ну что же! — поставил тонкую над. И. Коллектив Таганки имел свою позицию, свою программу. Театральная публицистика была по существу открытием Любимова. Сегодня и на другие спектакли можно увидеть спектакли того же направления — и много в виду хотя бы «Диктатура совести», — в те времена оно сплелось и было верна линия Таганки. Театр чувствовал болевые точки в жизни нашего общества, смело и мужественно их отрывал, потому и в нем казался, что пропускать какой-либо спектакль этого театра критику недопустимо.

— Вы тогда еще сказали о талантливых находках.

— Но в этом и была сила театра — в том, что для выражения своих грандиозных устремлений он нашел соответствующую форму. Думаю, что именно поэтому он был постоянно преследуем в зрительском пространстве. Сказано все было кратко, точно, кратко и оттого выразительно.

— Когда речь заходила о художественной манере театра, всегда слышались: Брехт, Брехт... Но разве «А зори здесь тихие...», «Деревянные кони», «Моя жизнь» — спектакли с чуждой? Опыт Брехта оказал влияние на Любимова, но мне кажется, он никак абсолютно свой эстетический поворот в этой стилистике. В каждом спектакле, который видел, я находил что-то важное и поучительное.

— Сверхмилый парадокс художественной жизни тех лет: призывы к идейности и пламя в колесе толку искусства, где идеяность как раз присутствовала.

— Но идеяность принималась как неприятие воссоздания, как диффамация всему, что происходило. А театр хотел говорить правду, уходил от спектакля с жидким, именно это жидкое не нравилось чиновникам.

Нужно было обладать мужеством и страстью в борьбе, собственными Любимову и возглавляемой им группой, чтобы выстоять против чиновничьей истории.

— Есть упоминание в биографии.

— Для некоторых натур — несомненно.

— Кажется, этот спектакль Любимов «взрывает» многих вокруг себя. Авторы явочным, но своему парадоксу руководству они верны по сей день. Чем вы это объясняете?

— Успехом. Это для актера является определением. Трудно забыть человека, который обеспечил успех и театру, и каждому в отдельности. Имеем в виду тот самый успех, который есть не что иное, как общественное признание. Об этом театр тосковал, это, когда Любимов уехал, объединил группу и укрепило ее верность своему лидеру. Так во всех случаях все как-то вышло. Не могу не сказать в связи с этим о Николае Губенко — тапершине главном режиссере театра, на сцене которого он начинал как актер. Его жизнь в кинематографе сложилась прекрасно, но в трудный драматический момент он вернулся к своим. Больше того — едва ли позволило время, сделал все, чтобы Любимов вновь ставил на Таганке. Согласился — мало что из главного способно на такое.

— Справедливости ради Таганка существенно изменила театральный климат 60-х годов. Многие театры были театрами с направлением — энергия творческого поиска, которая из отдаленно, во многом обесценивалась именно этим. Сегодняшнее время — благоприятствующее творчеству, но не кажется ли вам, что они неслись неидеальными? Им хочется просто играть, просто играть, а там — что получится.

— Может быть, и так, но все равно — увлечение студентами, при всех условиях — процесс познания и объединяющий. Естественной смерью умрут те, кто не имел художественных и моральных прав на существование, останутся достойные, но не это нужно время. На воспитание режиссера, на выработку программы могут уйти даже годы.

— Это с одной стороны; с другой — необходимо изложить истинно художественной драматургии, без которой театр не станет на ноги. Искусство в наше время — это творчество, оно идет за драматургией, которая не только подставляет ему сюжеты (говорю нарочно грубо), но заставляет со-

«Я давно не видел спектакля, в котором бы так непрерывно, в лоб, именно в лоб — сознательно повторил эти слова — были по инстинкту, счастливой идеологии и морали и при этом давали это с такой тайной, с такой мерой художественной нагрузки, с такой проминивностью в душу человека». В той же статье о «Добром человеке из Сезуана» — дипломном работе студентов училища имени В. Шумкина — было сказано о множестве, дирижа, психологической тонкости постановки и о том, что «интеллигентные молодые актеры способны вступить в новую молодую театральную студию».

Все это случилось в 1963 году, и в декабре 1963 года опубликовала «Правда», и спавшего осуществился, 23 апреля 1964 года в театре на Таганке «Добрым человеком из Сезуана» сыграла пьесу Вергилия Брехта (она в репертуаре по сей день).

вершинство умение, искать клячу и воплощение того или иного автора. Это взаимный процесс — становление драматургии и, стало быть, театра — и наоборот. Полагаю, что сейчас мы переживаем переходный период в развитии сценического искусства. Надеюсь, что произойдет перелом и Москва вновь станет театром Мировой. Очень бы хотелось стать свидетелем этого.

— Но тому же театру на Таганке пора едва ли не заменить драматургию...

— Любимову свойственно тяготение к прозе. Это инстинктивное тяготение, что он особенно интересно расширяет произведения, которые для сцены не предназначены. Его увлечен процесс превращения литературы в сценические

формы, и зал радуется и дивится им, как пример, поставленным их педагогом, а в момент премьеры — газетные рецензии Юрия Любимова. А дальше пошла и пошла, «10 дней, которые потрясли мир», «А зори здесь тихие...», «Деревянные кони», «Моя жизнь на набережной», «Мастер и Маргарита», «Жизнь Гамлета», «Гамлет», «Преступление и наказание» — всего не перечислять, но и перечисленного достаточно, чтобы иметь право считать о стойкой индивидуальности и всевозрастающей холодности тех, кому в ту пору было доведено руководить искусством. Эта материальная была болей на очутившиеся результаты спектакля о Высоцком, созданный в памяти о первом актере труппы, и ставший сценарием, премьеры «Жизни» — это был последний спектакль, а «Борис Годунов» на шесть лет.

«Знаете, театры на Таганке. Фото В. Кузнецова».

ТАГАНКА — 25 ЛЕТ

формы, наверное, от этого особенно бурно работает его фантазия.

Однако то, что свойственно одному художнику, не должно стать принципом для других и особенно для театра в целом.

— Не год, не два и даже не три или четыре, что театр на Таганке — театр без авторства. Публика, будем откровенны, наметила рамки, надели экологическими и даже театральные круги, поняла, что это не так. Они же долго не могли расстаться с этим весьма приблизительным утверждением.

— Понимала, а кое-кого и фреппировала зритель режиссура, от которой мы все к тому времени порядком отвыкли. Актер как бы уходил на второй план на фоне неизменной, несправедливой, особой режиссуры Любимова. Но при этом буквально с первого спектакля мы запомнили 3. Славина, В. Золотухина, Н. Губенко.

Вообще же я считаю, что вне артиста реализоваться замысел постановщика невозможно. Я не представляю себе режиссуру, не пропускающую через артиста, — все подчинено этому, это общий закон. Если бы в «Зорях» не было такого ансамбля исполнителей, если бы не было старшими — Шаповалов, спектакль не прозвучал бы того ошеломляющего впечатления, которое живо во мне до сих пор.

А может вы представить себе «Гамлет» без В. Высоцкого «Деревянные кони» без Т. Жуковой и А. Давыдовой, «Гугензат» без того же Высоцкого, и Губенко? Мы любим держаться дана за предвзятые представления, хотя куда как полезнее было бы от них отказаться.

— Говоря такое, не думаете ли вы подозрительно о критике?

— Думаю вполне сознательно, такая практика сегодняшних дней позволяет отнестись к ней иначе, чем раньше. Более спокойно, что ли. Не нравятся некоторые спектакли, ну и бог с ними, с этим человеком, если ты сам понимаешь, что работа усталая. Главное, что организмы не поддаются.

— Но отгорю и, я думаю, всегда будут гореть несовершенства и предвзятости. Читая, например, статью «Жизнь» и удивляюсь не тому, что критику не нравятся спектакли на Таганке, что больше нравил не ему, а Ю. Чернышину, отождествляю о возмущенной работе театра Высоцкого. Удивлен радости, которая проявляется в статье, как все пытаются скрыть: радости оттого, что, по мнению критика, театр, очевидно, умер, если вызывает сомнения, или он не так. Но чему тут радоваться и при этом поздравлять себя не замечать вашей очевидности. Трех фактически новых спектаклей, появившихся на сцене Таганки: имеем в виду «Бориса Годунова», «Высоцкого», «Жизнь».

— На утверждение, что критик обязан подниматься именно публики — ну, защищая свою, но задумайтесь над тем, что происходит в жизни, он обязан. Иначе какой же он судья и толкователь?

— Скажите, почему вы согласились дать это интервью?

— Потому что я испытываю признательность и благодарность к художнику, чье творчество следует правде и следует ей талантливо. Театр на Таганке ставил себя уважать, проявлял гуманность постановки вопроса, что было непривычно в долгие годы застоя. Он заставил себя пожить, ибо то, о чем он говорил, он говорил умно и страстно.

Интервью взяла
Н. ЛОРДИПАНИДЗЕ.

«Знаете, театры на Таганке. Фото В. Кузнецова».

Спектакли этого театра всегда интересны публике: в них отражена его гражданская и художественная программа.

Н. Губенко.

А. Дзедзедзе.

Л. Филатов.

З. Славина.

В. Золотухина.

Эти актеры (кроме Л. Филатова, который был принят в Театр на Таганке позже) — участники первого спектакля «Добрым человеком из Сезуана».

Фото В. Плотникова, В. Крамера.

НА ВОПРОСЫ «СК» ОТВЕЧАЮТ АКТЕРЫ

1. Что значит Театр на Таганке для Вас лично?
2. По последним 25 лет театральной жизни страны что было Вам наиболее близко и наиболее непривычно?
3. Какой из периодов Театра на Таганке кажется Вам самым значительным и интересным? Какой наиболее?
4. Ваш любимый спектакль?
5. Ваш любимый актер?
6. Кажется ли Вам восстановление старых спектаклей перспективой жизни театра? Если нет, каким бы Вы хотели видеть настоящее Таганки?
7. Каким Вы представляете себе будущее Театра на Таганке?

Николай ГУБЕНКО

1. Любимый театр.
2. Наиболее близко — режиссура Ю. Любимова, Г. Товстоногова, М. Тумановича, Э. Некрошова, Р. Струва, А. Васильева, студия О. Таганки и их стойкость в противостоянии запретам.
3. Подразделение на периоды — да, искусствоведения. Театр — это жизнь. А в жизни не бывает более или менее значительного.
4. Группы Театра на Таганке.
5. Мы восстанавливаем не старые, а запрещенные ранее спектакли, которые не видел публика. По данным зрительского опроса, спектакли «Владимир Высоцкий», «Борис

что «Жизнь», «Владимир Высоцкий» и «Борис Годунов», поставленные в prime time и восстановленные только сейчас, продолжают оставаться шедеврами театральной режиссуры. Значение произведений искусства не зависит от их датировки. Никто не задает вопрос: перспективна ли для нашей литературы публикация неизвестных прежде произведений Платона? Философия человека, родства не помнящих бесплодия и бесперспективна. Нельзя двигаться вперед в будущее, не выплата долги перед прошлым.

7. На мой взгляд, будущее театра определят сегодня два человека — Юрий Любимов и Николай Губенко, хотя многого, конечно, зависит и от артистов.

Зинаида СЛАВИНА

1. Моя жизнь.
2. Приход М. С. Горбачева к руководству и изменение в связи с этим театральной жизни страны в лучшую сторону.
3. Непривычно — исключение из партии Ю. П. Любимова и лишние его советского гражданства.

Зинаида СЛАВИНА

1. Жизнь, судьба, биография.
2. Когда работал впергонки «Современники», Ленком (под руководством А. Эфроса) — 1969 год.
3. Непривычно — пенковская расправа над А. Эфросом.
4. «Мить» и «Добрым человеком из Сезуана».
5. Владимир Высоцкий и Николай Губенко.
6. Театр по части — да, восстановлены самые значительные спектакли. Это очень важно для театра.
7. Будущее представляется таким, каков сегодня настоящий Светлым.
7. Будущее театра в руках Н. Губенко.

Валерий ЗОЛОТУХИН

1. Жизнь, судьба, биография.
2. Когда работал впергонки «Современники», Ленком (под руководством А. Эфроса) — 1969 год.
3. Непривычно — пенковская расправа над А. Эфросом.
4. «Мить» и «Добрым человеком из Сезуана».
5. Владимир Высоцкий и Николай Губенко.
6. Театр по части — да, восстановлены самые значительные спектакли. Это очень важно для театра.
7. Будущее представляется таким, каков сегодня настоящий Светлым.
7. Будущее театра в руках Н. Губенко.

Леонид ФИЛАТОВ

1. Место работы, семья, идея жизни — одним словом, все.
2. Все хорошее и все плохое связано с театром на Таганке.
3. Самый значительный период в жизни театра — со дня его основания до дня высылки Ю. Любимова, а также последние две года, когда театр возглавлял Николай Губенко.
4. Самый тусклый и неинтересный период театра — это те годы, когда театр провалил Любимов.
5. «Жизнь», «Борис Годунов», «Мастер и Маргарита», «Товарищ, верь!».
6. Николай Губенко.
7. Далеко не безразрешительная критика сегодня признает,

Алла ДЕМИДОВА

1. Жизнь.
2. Ю. Любимов, А. Эфрос, А. Васильев, театр «Грузин».
3. Непривычно — административно-бюрократическое отношение к актерам.
4. Начало. Работа над «Гамлетом». Все, что было после — это уже было.
5. Начиная — периоды сведения счетов и выяснения отношений.
6. «Гугензат», «Гамлет», «Высоцкий» (до 1980 г.), «Годунов».
7. Высоцкий, Золотухин, Филатов.
8. Нет. Главная моя задача — нужно изложить структуру, ну, внутри театра.
9. Николай Губенко.
10. Далеко не безразрешительная критика сегодня признает,

Анкету подготовил
А. ГРИНЕВИЧ.